

ЦЕННОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА «ПРЕДАТЕЛЬСТВО» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Савельева У.А.

ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет», Астрахань, Россия (414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а), e-mail: uyanasaveljeva@gmail.com

Проведен анализ ценностных характеристик концепта «предательство», которые обнаруживают постоянную ориентированность при оценке предательства на верность как его противоположность и в русской, и в английской лингвокультурах. Выявлено, что в силу того, что верность признается ведущей ценностью в сферах личных и статусно ориентированных отношений, предательство расценивается как ее нарушение, которое может принимать различные формы: нарушение супружеской верности (при этом в русской лингвокультуре наблюдается оправдание мужской неверности), нарушение верности в дружбе, верности данной клятве, слову, что получает одинаково отрицательную характеристику в обеих лингвокультурах, измена родине. В последнем случае выявляется некоторая противоречивость в оценке, присущая в равной мере и русской, и английской лингвокультурам: с одной стороны, признается приоритет сохранения верности собственной стране, с другой стороны, допускается возможность преобладания личных интересов. В ходе проделанного анализа было выяснено, что первая реакция на предательский поступок редко бывает рациональной. Дальнейшее осмысление предательства направлено на выяснение его причин и мотивов и в ряде случаев приводит к более мягкой оценке и даже к оправданию совершенного действия.

Ключевые слова: концепт, предательство, верность, ценностный компонент, пословицы и поговорки, измена, супружеская измена, антропологическая лингвистика, межкультурное общение.

VALUE COMPONENT OF CONCEPT “BETRAYAL” IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUISTIC WORLD VIEWS

Saveleva U.A.

Astrakhan State University, Russia (414056 Astrakhan, Tatiweva str, 20 a), e-mail: uyanasaveljeva@gmail.com

We have done the analysis of value component of concept “betrayal” which reveals persistent link between betrayal and faithfulness as its antipode in both Russian and English linguistic world views. By virtue of the fact that faithfulness is considered as a key value in the spheres of personal and status relationships betrayal is regarded as breach of faith which may take different forms: adultery (it should be noted that in the Russian culture man’s adultery is justified), breach of trust in a friendship, breach of covenant, of word (which is disapproved of in both cultures), and treason. As regards treason there is a certain variance in assessing found in both Russian and English cultures: on the one hand, there is a priority of loyalty to the country, on the other hand, one may choose the option for the personal interests to prevail. The analysis revealed that the first reaction to an act of betrayal is rarely rational. Further reasoning is mainly aimed at finding out its motives and in some cases leads to a less negative assessment and even justification of betrayal.

Key words: concept, betrayal, linguistic world view, loyalty, value component, proverbs, treason, adultery, anthropological linguistics, cross-cultural communication.

Введение

В современной антропологической лингвистике изучению концептов уделяется особое внимание, что делает возможным, используя накопленные данные, структурировать концепты и производить их типологию.

Актуальность исследования продиктована тем, что такое явление, как предательство, является весьма распространенным и обладает социальной значимостью, и учет этого феномена в межкультурном общении играет особую роль в настоящее время,

однако данный феномен до сих пор не рассматривался в лингвоконцептологическом исследовании.

Цель исследования состоит в исследовании ценностного компонента концепта «предательство» в русской и английской лингвокультурах. **Методика исследования:** ценностная составляющая концепта моделируется посредством интерпретативного анализа ценностно-маркированных высказываний, анализа коротких сочинений, написанных информантами на заданную тему [5]. **Материалом исследования** послужили: паремиологические единицы русского и английского языков, тексты художественной литературы русской и английской лингвокультур, сочинения информантов – представителей русской и английской лингвокультур.

В силу того что предательство осмысляется, прежде всего, как нарушение верности, обманутое доверие, в настоящем исследовании приводится анализ паремиологических единиц, объединенных ключевыми семами «сохранение верности» – «нарушение верности», «обмануть доверие», реализация которых происходит в сфере личностных отношений, которая представлена двумя разновидностями: отношения в дружбе и отношения между мужем и женой.

В результате сплошной выборки, проводимой из Толкового словаря живого великорусского языка под редакцией В.И. Даля [4], а также из сборника «Пословицы русского народа» [2; 3], было выделено 262 пословицы и поговорки, отражающие противопоставленность верности и предательства. В английской паремиологии таких единиц оказывается значительно меньше – 38, при этом большая часть из них соотносятся с концептом «предательство» опосредованно, отражая основные признаки рассматриваемого концепта [6].

Результат анализа показывает, что в обеих лингвокультурах верность и преданность считаются приоритетными ценностями и воспринимаются как норма в дружбе:

верен, что золото в огне; больше той любви не бывает, как друг за друга умирает; тогда мне губы лизжи, когда они горьки, а когда сладки – я и сам оближусь; не изведен друг, а изведен – два / between friends all is common; friendship is not to be bought; prosperity makes friends, but adversity tries them; old friends and old wine are best; friendship cannot stand always on one side; even reckoning makes long friends; a friend in need is a friend indeed, в отношениях между мужем и женой – три друга: отец, мать, да верная жена; всякому мужу своя жена милее; на чужих жен не заглядывайся, а за своей пригляди; князю княгиня, крестьянину Марина, а всякому своя Катерина; своя жена – своя и краса, жена честнее – мужу милее / a good Jack makes a good Jill.

Значительное количество паремий, отсылающих к ситуациям нарушения верности и возможности предательского поступка со стороны близкого человека, во-первых, подтверждают мысль о том, что норма выявляется преимущественно при ее нарушении [1] и, во-вторых, свидетельствуют о широкой распространенности предательства именно между близкими людьми:

на друга надеяться – самому пропадать; кто легко верит, легко и пропадает; ручаясь за друга, предаешься врагу; за три вещи не ручайся: за часы, за лошадь да за жену; и муж не знает, где жена гуляет; проводила мужа за овин – да и прощай, жидовин; лучше в утлой ладье по морю ездить, чем жене тайну поверить; не всякую жена мужу правду рассказывает; муж в дверь, а жена в Тверь / lend your money and lose your friend; false friends are worse than bitter (open) enemies; two dogs over one bone seldom agree; many kiss the hand they wish to cut off.

В «наивной модели мира» представителей русской лингвокультуры супружеская измена получает отрицательную оценку: *чужемужнину жену любить, с нею и плакаться; вольно дурить, чужих жен любить; мужнин грех за порогом остается, а жена все в дом несет*. В английском паремиологическом фонде не было выявлено единиц, отсылающих к ситуации супружеской измены. Тем не менее некоторые единицы передают возможность проблем в отношениях между любящими: *the course of true love never did run smooth; love is never without jealousy*.

Обращает на себя внимание тот факт, что в русских паремиях наблюдается оправдание мужской неверности: *честный муж одну только жену обманывает; чужая жена – лебедушка, а своя – полынь горькая*.

Отрицательно маркированными в русской паремиологии оказываются доносительство и разглашение секретной информации:

доводчику (доказчику, доносчику) первый кнут; кто переносит вести, тому бы на день плетей двести; кто станет доносить, тому головы не сносить; ябедника на том свете за язык вешают; не из чести переносят вести; чужой тайны не продавай; открыть тайну – погубить верность.

В английской паремиологии не наблюдается отрицательная оценка разглашения секрета, однако при этом выявляется предупреждение о такой возможности:

when three know it, all know it.

Следует добавить, что в английской паремиологии существует ряд единиц, выражающих приоритетное отношение к честности и осторожности в отношениях между людьми: *honesty is the best policy; passion will master you if you do not master your passion; keep your mouth shut and your ears open*.

И в русской, и в английской лингвокультуре прослеживается негативная оценка сокрытия злонамеренной интенции, коварства при видимом дружелюбии:

на языке мед, а под языком лед; зьяга-то овечья, а сыть-то человечья; прост, как свинья, а лукав, как змея; в глазах мил, а за глаза постыл; из-за угла, да камнем; в ногах ползает, а за пятку хватает; спереди лижет, а сзади хватает; подал ручку, да подставил ножку / when the fox preaches, then beware of your geese; who makes the fairest show means most deceit.

В обеих лингвокультурах положительно оцениваются сохранение верности данному слову, клятве, обещанию:

не давши слова, крепись, а давши – держись; назвавшись груздем, полезай в кузов; будь своему слову господин; сказал, как топором отрубил; что сказано, то и свято; слово сказал, так на нем хоть терем клади; слово – закон: держись за него, как за кол; лучше споткнуться ногою, чем словом / one's word is one's bond; promise is dead; a bargain is a bargain; a promise is a promise.

При этом в русских пословицах подчеркивается ответственность за данную клятву и осторожность при обещании чего-либо – *клятва умному страшна, а глупому смешна*, а также связь клятвы и ее нарушения: *где клятва, тут и преступление; Ирод клянется, Иуда лобзает, да им веры неймут.*

Ряд паремиологических единиц содержат в себе ссылку на возможные мотивы предательства: преследование интересов материальной выгоды – *корень всех зол – сребролюбие / the love of money is the root of all evil*; жажду мести: *око за око, зуб за зуб / an eye for an eye and a tooth for a tooth*. Полное совпадение данных единиц объясняется общим для русской и английской лингвокультур прецедентным феноменом – текстом Библии.

В обеих лингвокультурах выявляются такие единицы, как: *деньги не пахнут; своя рубашка ближе к телу; победителей не судят; где ни жить, только бы сыту быть; цель оправдывает средства; хоть в Орде, да в добре / money has no smell; money makes the man; money answers all things; dog eat dog; the parson (priest) always christens his own child first; the winner takes it all*, которые в своей дискурсивной реализации отражают ценностные ориентиры лица, идущего на предательство. При этом в словарях и русского, и английского языков они имеют помету *циничн. (often dissapr.)*, что свидетельствует об отрицательной общественной оценке лица, не считающегося с моральными принципами ради достижения собственного блага.

Обращение к художественным текстам русской и английской лингвокультур, а также анализ сочинений информантов (100 представителей русской и 50 английской лингвокультур) на тему «Как вы относитесь к предательству?» обнаруживают

градуированность оценки предательства и измены. Так, предательство и лица, совершающие рассматриваемое действие, в обеих лингвокультурах характеризуются в большинстве случаев с использованием отрицательного оценочного знака:

«Не льстись предательством ты счастье сыскать!

У самых тех всегда в глазах предатель низок,

Кто при нужде его не ставит в грех ласкать;

И первый завсегда к беде предатель близок». (И.А. Крылов «Мальчик и Червяк») [7].

«The renegade hates life itself. He wants the death of life» [9].

«The traitor to humanity is the traitor most accursed» [9].

В русской лингвокультуре однозначно отрицательный знак оценки получает доносительство, ябеда:

«...доносительство и предательство в большой степени присуще людям или с сильным характером, волей, для которых все средства хороши в достижении цели, или, наоборот, людям со слабой, неустойчивой психикой, трусам, "тряпкам", "лапше". Детские неокрепшие души, пожалуй, главная причина широкого распространения в среде подростков и школьников так называемого ябедничества – явления, заслуживающего специального рассмотрения» (ответы информантов).

Тем не менее выявляется ряд примеров, выражающих положительное отношение к подобным явлениям:

«Но я его все равно любила. В нем не было этого отвратительного чувства стадности.

– То есть? – не понял Костенко.

– Вы же помните школу, – ответила Александра Егоровна. – Кто-то набедокурил, зло нужно наказать, – непременно и безусловно, – но ведь не говорят, паршивцы, про зачинщика. Однако его необходимо выявить и наказать, тогда другим будет неповадно... И только один мальчик в классе помогал мне – Коля.

– Ябедничал?...

– Вы плохой педагог... Что значит – ябедничал? Он говорил правду. А другие из ложного понимания духа товарищества – покрывали виновника, молчали» (Ю.С. Семенов «Противостояние») [7].

В отношении предательства в отношениях между мужчиной и женщиной следует отметить, что и в русской, и в английской лингвокультурах физическая измена противопоставляется измене моральной. Оба вида измены получают неоднозначную оценку: представители обеих лингвокультур по-разному расставляли их по степени тяжести:

«Иван Ильич был очень жестким человеком? – спросил Костенко.

– Я бы сказала иначе... он был справедливым человеком. За измену на Руси бабу испокон века драли вожжами...

– Но ведь вы считали, что измены не было?..

- Была, видимо, моральная измена, а она подчас страшнее физической» (Ю.С. Семенов «Противостояние») [7].

«Причиной создания семьи явилась частная собственность. То есть мы друг к другу относимся как к вещам. При этом самое страшное для нас не физическое занятие сексом с другим партнером, а мысли "коварного изменщика" о нас и то, что он не оправдал наших ожиданий (предательство)» (ответы информантов).

«Emotional involvement, even without physical consummation, can be just as damaging to a relationship» (ответы информантов).

В данных примерах особенно отрицательно маркированной оказывается моральная измена. В следующих примерах, полученных в ответах информантов, наоборот, подчеркивается тяжесть именно физической неверности:

«Увлекаться мой муж может кем угодно. Главное, чтобы не изменял мне физически»

«I recently discovered that my partner of 14 years had been having an affair for nearly two years and was relieved to discover that the affair did not involve a lot of sex – it was mainly conducted over lunch and by phone, text and email»

Кроме того, и русские, и в английские информанты дали одинаково отрицательную оценку моральной и физической измене:

«Между физической и моральной изменой нет никакой разницы – ты все равно отделяешь себя от того, кого любил раньше».

«Whether that deception was sexual or not, they must have known that the intimacy they shared would hurt you deeply».

В ответах представителей русской лингвокультуры прослеживается более детальное объяснение отношения к измене и предательству:

«С точки зрения того, кто сам изменяет, измена — это развлечение, получение удовольствия (физического, конечно), способ скрасить досуг, способ самоутвердиться и т.д. А вот с точки зрения того, кому изменяют, измена — это предательство, боль, страдания, комплексы, неверие в людей, нежелание жить... последствия такие же, как после "игры словами": "изменяет" – "из меня ет" – "из меня ест" (энергию, силы, здоровье)».

Однозначно отрицательное отношение к предательству прослеживается в следующих оценочных эпитетах, характеризующих рассматриваемое действие: страшное, подлое, низкое, гадкое, гнусное, вероломное, циничное, расчетливое, убийственное, рассчитанное, замышляемое, бесстыдное, злобное, коварное, малодушное, пошлое, зверское, тонкое,

хитроумное, вопиющее / black, blackest, darkest, worst, mean, ultimate, disgusting, pointless, base, intolerable. Вариативная представленность эпитетов свидетельствует об актуальности предательства в межличностных отношениях.

Во вторых, в ответах информантов выделяется пласт оценочных суждений, отражающих нейтральное отношение к предательству:

«Каждый в ответе только за самого себя, у каждого свои мотивы и побудители делать или не делать что-то – и какие-либо претензии тут предъявлять бывает просто глупо. Так что лучше ни на кого полностью не полагаться, а только на себя».

«Предательство – это просто набор установок, заданных человеку в младенчестве. Само по себе оно не плохо и не хорошо, само по себе это просто оружие слабого, который бьётся за своё место под солнцем».

«I see your point... nobody's perfect... we're all humans & we have all done wrong, whether we meant to or not».

«The betrayal of a nation was too distant to make her care».

Считаем важным отметить, что, на наш взгляд, нейтральное отношение к предательству, высказанное в вышеуказанных примерах, носит условный характер в силу того, что в них в большей степени отражены либо защитная тактика поведения при предательстве (*лучше ни на кого полностью не полагаться, а только на себя*), либо оправдание совершенного поступка (*we have all done wrong, whether we meant to or not*). При этом латентно прослеживается отрицательный знак оценки рассматриваемого поступка (*оружие слабого, wrong, nobody's perfect*).

В-третьих, в обеих лингвокультурах предательство может трактоваться с утилитарной точки зрения, с позиции пользы (относительный «плюс»):

«Если мы не ходим морально голые друг перед другом, то лишь в силу одолевающего нас эгоцентризма. Каждый занят только самим собой, и при этом подавляющее большинство из нас не умеет использовать себе на пользу само предательство окружающих. Мы придумываем людей себе на потребу, а идёт это нам во вред, потому что мы убеждены в собственной пронизательности и непогрешимости суждений. Но случается – очень редко – люди угадывают то, что вы при всей беспечности тщательнейшим образом скрываете. ... Так бывает, когда люди испытывают к вашей личности особый, острый, до болезненности интерес. Этот интерес может быть порождён только сильными чувствами: любовью, ревностью, жаждой мести» (Ю. Нагибин) [7].

«And, perhaps, with this act of treachery I can finally buy my freedom from the burden of buried horror that bound me to Andy twenty years ago, so that – dispossessed of that trespass – I'm left free to betray him again, now» [9].

«ОПАСАЙТЕСЬ!!! Предательство входит в моду! Подставь ногу ближнему своему, и тебе зачтется!!! Главный девиз нынешнего поколения – «Нет дружбы без ВЫГОДЫ!!!» [7].

В данных примерах просвечивает мысль о том, что предательство может быть использовано на достижение блага, его можно рассматривать как действие полезное и даже модное. Тем не менее следует подчеркнуть, что, как и в случае с нейтральным отношением к рассматриваемому действию, утилитарная трактовка предательства не подразумевает положительного отношения к коварству и измене как таковым.

В отношении к измене супружеской также раскрывается ее возможная польза для угасающей любви:

«Отсюда, раньше ее (полного) окончания вспыхивают измены, как последняя надежда любви: ничто так не отдаляет (творит разницу) любящих, как измена которого-нибудь. Последний еще не стершийся зубец – нарастает, и с ним зацепливается противоположащий зубчик. Движение опять возможно, есть, – сколько-нибудь. Измена есть таким образом, самоисцеление любви, "починка" любви, "заплата" на изношенное и ветхое. Очень нередко "надтреснутая" любовь разгорается от измены еще возможным для нее пламенем (В. Розанов «Опавшие листья») [7].

«After I found my wife has been having an affair, I began to love her more» (ответы информантов)

На наш взгляд, в обеих лингвокультурах отношение к предательству проходит своеобразные ступени развития: сначала, в момент неожиданности и внезапности объект предательства, а также лицо, оценивающее поступок со стороны, воспринимают его резко негативно, при этом их реакция не рефлексирована на уровне ratio:

«Костенко почувствовал, как у него захолодели руки. "Ты же сам всегда выступаешь за демократию, – сказал он сам себе. – Ты сам постоянно повторяешь про нашу Конституцию, законность и уважение к личности. Он ведь отсидел, этот Лебедев, он теперь равноправный гражданин, а ты говоришь с ним как с вражиной. А кто он? – возразил себе Костенко. – Все равно вражина, фашист, хуже фашиста, он предатель!"» (Ю.С. Семенов «Противостояние») [7].

«When I knew the truth about them, I wanted to kill them and to kill myself» [9].

«What if, by her doing nothing, they were able to convince him of her treachery and turn him against her forever?» [9].

Примечателен в этом отношении следующий пример, проанализированный нами в ответах представителей русской лингвокультуры:

«Супружеская измена, на самом деле, укрепляет семью. Имея со мной роман на стороне, его семья укреплялась».

Так женщина говорила про семью человека, который сам изменяет, но вот что она сказала, когда изменили ей:

«После того как я узнала, что он мне изменил, во мне появилась истеричность, агрессивность по отношению к нему, к ребенку. У меня возникла ненависть к ребенку, не выдерживали нервы, и я его била».

Данный пример расставляет акценты на отношении к измене со стороны того, кто изменяет, и со стороны жертвы совершаемого действия.

Однозначно отрицательно воспринимается переход на сторону врага, измена «своим»:

«А что мне отец, товарищи и отчизна!.. Отчизна моя – ты!.. И все, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну!.. – И погиб козак! Пропал для всего козацкого рыцарства!.. Вырвет старый Тарас седой клочок волос из своей чуприны и проклянет и день и час, в который породил на позор себе такого сына» (Н.В. Гоголь «Тарас Бульба») [7].

«A traitor to one's country can't be forgiven» [9].

Тем не менее в литературе, посвященной разведчикам, описываются геройское поведение и стойкость разведчиков-интернационалистов – немцев, не согласившихся с тотальным фашистским режимом Гитлера и потому приравненных к государственным изменникам. Это и Рихард Зорге, и герои подпольной антифашистской организации «Красная капелла», действующие в самом центре гитлеровского рейха. Амбивалентность в оценке позволяет русским называть вышеуказанных людей героями, в то время как своим правительством они воспринимались как преступники:

«...гитлеровец Ладислав Низнанский из разведки дивизии "Эдельвейс" предал Гитлера и стал двойным агентом, работая на американскую разведку. В благодарность США устроили его после войны работать на радио "Свободная Европа"» [7].

Военной разведкой Великобритании была разработана специальная система двойных агентов – The Double Cross System, с помощью которой пойманные нацистские агенты использовались для передачи дезинформации высшего командования Германии. Таким образом, наблюдается неоднозначность оценки деятельности человека или людей, перешедших на сторону «чужих».

На вопрос «Как вы относитесь к предательству?» в 91 случае из 100 ответов представителей русской лингвокультуры были получены ответы «крайне отрицательно». Представители английской лингвокультуры также дали негативную оценку рассматриваемому действию – такие реакции составили 78% от общего числа опрошенных. При этом в ответах британцев в большей степени присутствовал элемент рациональной попытки осмысления предательства:

«Unfortunate if accidental, but happens a lot. If intended, it depends on the circumstances. If it is against an innocent individual, just to cheat him out of something, then it is very bad. If it is revenge – depends on the circumstances – may be the person deserves it. If there was a conspiracy to betray Hitler – it is a pity it didn't work! Betraying your grandmother to obtain her life savings is not so good».

Анализ электронных источников позволил выявить рациональное осмысление предательства и в русской лингвокультуре:

«Предательство – не качество характера, темперамента или мировоззрения. Если составить список людских пороков: трусость, злоба, жадность, зависть, лживость – предательство не впишется в этот ряд. Не порок – но поступок, действие. Если совсем точно: субъективное восприятие и определение некоего поступка» [7].

Результаты исследования: паремиологические единицы русской и английской лингвокультур позволили выделить следующие ценности: 1) верность и преданность – приоритеты в отношениях между близкими людьми; 2) доносительство и разглашение секрета доверившегося человека считаются нарушением нормы межличностного общения; 3) приоритетное отношение к честности и осторожности в отношениях между людьми; 4) сокрытие злонамеренной интенции и коварство при видимом дружелюбии расцениваются как неприемлемые. Тексты художественной литературы и ответы в сочинениях информантов обнаружили градуированность оценки предательства: во-первых, предательство и лица, совершающие рассматриваемое действие, в обеих лингвокультурах характеризуются в большинстве случаев с использованием отрицательного оценочного знака. Во вторых, в ответах информантов выделяется пласт оценочных суждений, отражающих нейтральное отношение к предательству. В-третьих, в обеих лингвокультурах предательство может трактоваться с утилитарной точки зрения, с позиции пользы (относительный «плюс»).

Результаты исследования **обсуждались** в 2011 и 2012 годах на международных, межвузовских и внутривузовских конференциях.

Заключение: ценностные характеристики изучаемого концепта обнаруживают постоянную ориентированность при оценке предательства на верность как его противоположность, что подтверждает его архетипическую сущность [8]. В силу того что верность признается ведущей ценностью в сферах личных и статусно ориентированных отношений, предательство расценивается как ее нарушение, которое может принимать различные формы: нарушение супружеской верности (при этом в русской лингвокультуре наблюдается оправдание мужской неверности), нарушение верности в дружбе, верности данной клятве, слову, что получает одинаково отрицательную характеристику в обеих лингвокультурах, измена родине.

Список литературы

1. Бабаева Е.В. Лексическое значение слова как способ выражения культурно-языкового концепта // Языковая личность: культурные концепты : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 1996. – С. 25-31.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа : сб. : в 2 т. Т. 1. – М. : ТЕРРА ; «Книжная лавка – РТР», 1996. – 432 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа : сб.: в 2 т. Т. 2. – М. : ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1996. – 424 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах. – М. : Терра, 1991.
5. Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.
6. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – М. : Живой язык, 1998. 944 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] : сайт. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.09. 2012).
8. Савельева У.А. Ценностные характеристики архетипического концепта «верность – предательство» в афоризмах и авторских высказываниях в английской и русской лингвокультурах // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке : мат. Междунар. науч.-практич. конф. – Спб. : ЛГУ им А.С. Пушкина, 2009. – С. 135-139.
9. British National Corpus [Электронный ресурс] : сайт. – URL: <http://info.ox.ac.uk/bnc> (дата обращения: 25. 09.2012).

Рецензенты

Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского социально-педагогического университета, г. Волгоград.

Дроздова Т.В., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Иностранные языки в гуманитарном и естественно-научном образовании» ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный технический университет», г. Астрахань.